

Леонид Николаев – музыкант и педагог.

Итак, 90е годы 19 века. Анна Николаевна Есипова, ученица Т.Лешетицкого, прочно обосновалась в Петербурге и оказала значительное влияние на петербургскую пианистическую школу. А после ухода А.Н.Есиповой центр петербургской фортепианной педагогики переместился в класс Леонида Владимировича Николаева. Николаев продолжил сразу несколько направлений. Он учился в Киеве у В.В.Пухальского – ученика Т.Лешетицкого, а затем в Москве у В.И.Сафонова. Николаев в высокой степени воспринял все то, что давали ему учителя. Так, Сафонов говорил о нем: «Я не успевал его учить, так быстро он всему выучивался».

Все это сделало Л.В.Николаева музыкантом и педагогом ярко выраженного интеллектуального типа. Он шел в исполнительстве и педагогике преимущественно рациональным путем. То, что лучшие из отечественных педагогов-пианистов делали отчасти интуитивно (А.Г.Рубинштейн, Н.Г.Рубинштейн, В.И.Сафонов, А.Н.Есипова, Ф.М.Блуменфельд), наметив основные пути нового понятия «Фортепианная школа», Л.В.Николаев синтезировал и реализовал. По мнению Савшинского, особое отличие педагогики Николаева состояло в том, что он один из первых внес в обучение научный метод. Студенты, попавшие к новому педагогу были поражены, что он «не только детально показывает, что и как надо играть, но и объясняет, почему это надо делать так, а не иначе. И, главное, показывает, как это делается, добиваясь тут же на уроке основного приспособления ученика».

Педагогом Л.В.Николаев был властным. Но свою линию вел мягко, доброжелательно, уважительно по отношению к ученику. Замечания его мгновенно и надолго ложились в память, ибо облекались в точные и простые слова. Его педагогическим оружием была лукавая серьезность. Он с наивным разыгранным недоумением спрашивал: «Как же можно было не суметь или не захотеть это выполнить?» Но никогда он не проявлял своего недовольства в упреках и не повышал тона.

В классе Николаев стремился к созданию атмосферы высокой этичности. Что было характерно: на открытых классных экзаменах ученики играли в порядке алфавита, а не согласно так называемой «шкале одаренности».

Николаев знал цену умной педагогической хитрости. Например, подбирая репертуар, даст ученику ту пьесу, которую тот хочет, чтобы не охладить его

к занятиям, слушает эту пьесу, а на деле работает совсем над другой музыкой. Умел в занятиях с учеником все сделать ко времени: не забегать вперед, и наоборот, проявить отвагу и совершить прыжок.

Уроки вообще проходили очень интересно. Савшинский в статье рассказывает о классе имени Л.В.Николаева №10, где кипела творческая жизнь. «Он всегда был полон слушателями. Это были не только ученики Леонида Владимировича, но и пианисты, учащиеся у других профессоров, и даже студенты-композиторы, и историки. Нередко там можно было застать педагогов музыкальных школ, и даже гостей из Москвы и других городов. Уроки протекали как концерты молодых артистов». Первое исполнение произведения на уроке – и всегда наизусть. Николаев всегда слушал пьесу целиком, никогда не прерывая исполнение замечаниями. Таким образом он активизировал самостоятельность, инициативность, вдумчивый подход к работе. Предполагается, что ученик сделал все, что мог, и теперь ему нужна помощь педагога. К такому уроку готовились, как к концерту. Ученики знали, что играть придется в присутствии большого количества людей. А кому захочется опозориться публично?

И после ободряющего: «Очень мило» - шел детальный анализ.

Работу Николаев начинал с постановки. Он считал, что «руки пианисту надо ставить так же, как голос певцу». В статье «Постановка рук в фортепианной игре» 1941 года он отметил условность этого термина: «То, что мы обычно называем законами постановки рук, в сущности говоря, является законами их движений». На одной из лекций он заявил: «Мне приходилось встречать педагогов, которые ставили себя выше технической работы, говорили, что это дело ученика, что работа черновая и так далее. Это – ложный взгляд, и оставлять ученика в этом направлении самоучкой – величайшая ошибка».

Основные требования Леонида Владимировича сводились к следующему: играть всегда всей рукой, меняя лишь степень участия каждой ее части. Всю подготовительную работу проделывает рука, а пальцу остается только «наступит» на клавишу из удобного положения. Предполагается, что пальцы работают, не вызывая затруднения, как ноги при спокойной ходьбе.

В самом начале Леонид Владимирович давал первый номер «Упражнений» Ганона. Для упрощения задачи делил паузой на две части: восходящую и нисходящую. При извилистых пассажах рекомендовал предварительно беззвучно приспособиться к движениям, добиться пластичности. Николаев подчеркивал, что элементами почти всех пассажей являются гаммы и

арпеджио. Следует добиваться, чтобы гаммы звучали легко, ловко и красиво. Он говорил: «Представьте себе, что эта истаивающая гаммка, заканчивающаяся Ноктюрн фа-диез минор Шопена, что это блестящие гаммы, начинающие Десятую Рапсодию Листа».

В аккордах Николаев требовал, чтобы звучало все содержимое, то есть аккорд был с «начинкой». Аккорд должен готовиться «не в руке, а в голове». Стремиться надо не к тому, чтобы сил затрачивалось мало, а чтобы они затрачивались рационально.

Николаев утверждал, что технически нужно работать каждый день и помногу. Он говорил: «При прекращении работы страдает в первую очередь пальцевая беглость и звучание – звук делается проще и примитивнее». Считал, что один этюд выучить блестяще полезнее, чем десять – хорошо. Этюд начинает приносить пользу, когда он выучен качественно.

Наряду с постановочной и технической работой в занятиях Николаева особое место занимала звуковая сторона пианизма. Любил насыщенный реалистический звук, присущий Рахманинову. «Когда начинаешь пьесу, то первые звуки должны быть ясными и не слишком тихими, так как внимание слушателя еще не привлечено к исполнению. *Pianissimo* должно звучать как театральный шепет – ясно и проартикулированно».

Особое место отводилось интонационной выразительности. Как же ее достичь? Тут, по мнению Николаева, есть один-единственный путь – путь проб и экспериментов. «Когда, стоя за дверьми комнаты, в которой занимается большой пианист, вы слышите, как он в течение долгого времени бесконечное число раз повторяет одну и ту же фразу, - не удивляйтесь и не думайте, что это техническая зубрежка. Нет, перед вами – интонационные эскизы: каждое повторение – новая проба, новая попытка приблизиться к цели». Леонид Владимирович не терпел разукрашенного нюансами исполнения, люто ненавидел «коклетничанье нюансами». Снова и снова убеждал учеников и педагогов исходить при исполнении не из «красивости», а из внутренней логики.

Еще в классе Л.Николаева изучение фуг Баха являлось обязательным с самого начала. Главным было развитие полифонического мышления и овладение техникой полифонической игры. Говоря о стиле, Николаев не стремился ограничиться интонациями, бытовавшими в пору его сочинения. Считал, что это приводит к формальной стилизации. Задача исполнителя – умение понять и выразить в старом то, что живо и сегодня.

Еще можно сказать о так называемом «николаевском» методе проведения урока. Урок надо вести так, чтобы он хорошо усваивался, не перегружать внимание ученика. Задавать столько, сколько он способен проработать между уроками. Урок у Николаева – это всегда импровизация. Он говорил и действовал в зависимости от того, что услышал от ученика. Всегда находил слова одобрения для хорошего, и лишь затем переходил к тщательному критическому анализу.

Николаева часто спрашивали, сколько нужно заниматься пианисту. Он отвечал, что работать нужно как минимум три часа в день. А для талантливого пианиста, ставящего перед собой высокие цели – пять часов. Но подчеркивал, что заниматься нужно столько, пока держится внимание. Говорил: «Если ко мне придет ученик и скажет, что какие-то уважительные причины мешают ему работать, то я как человек посочувствую ему. Но жизнь его не пожалеет и выбросит за борт».

«Николаевская школа» - школа русского пианизма, с характерным для нее пониманием высокой этической роли музыкального искусства. Музыка – средство понимания мира. Николаев, обладая большой наблюдательностью и ясным умом, выработал свою технику и продумал работу со множеством разнотипных учеников. Теоретические предложения многократно проверялись и совершенствовались на практике. «Из моего опыта каждый возьмет то, что ему необходимо, изучит его, используя как отправной материал; придет, быть может, к выводам, совпадающими с моими, а быть может, и к другим. Если я дам основу для размышления своим ученикам и слушателям аудитории, то и тогда я буду счастлив».

Сегодня музыкальные «внуки» и «правнуки» Леонида Владимировича продолжают его дело по всей стране и за рубежом. Это вселяет надежду, что наш общий труд поможет подняться на следующую ступеньку пианистам нового поколения.